

В. Б. МУСІЙ
Одеський університет

ОТОБРАЖЕНИЕ МИФОЛОГИИ УКРАИНСКОГО И РУССКОГО НАРОДОВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ О.М.СОМОВА

Вторая четверть XIX в. - время расцвета в русской литературе фантастики. Исследователи по-разному определяют причины интереса к данной жанровой разновидности повести. Это связывается и с особенностями познания явлений действительности, когда многое воспринималось как абсурдное, необъяснимое, и с характером мировосприятия ряда писателей, утверждавших двоемирие, и с сущностью самого жанра, который давал "структурно-поэтические способы и принципы для условных форм изображения современного человека и мира в их сложном взаимодействии" [Ц, с.26].

Именно в 20-30-е годы XIX в. становится очевидным разложение патриархальных отношений и основанного на них уклада жизни с ее своеобразной синкретичностью, проявлявшейся в привычке индивидуальности на все смотреть глазами своей среды в ее особой близости к природе. Возвышение индивидуальности и вместе с тем отчуждение личности и углубление ее противоречивости, резкое обострение социального антагонизма, рост власти денег и усиление меркантильности требовали от художника выработки собственной концепции действительности. Отображение этих процессов не сразу обрело конкретность, и это способствовало развитию фантастики. В сущности можно выделить ряд причин, обусловивших возникновение фантастического рассказа и повести:

1) стала очевидной узость рационализма и тем самым появилась основа распространения иррационализма, ограничивавшего возможности разума. Вызвано это было, в первую очередь, разочарованием в идеологии просветителей, что характерно прежде всего для предромантической литературы, предлагавшей двойственное объяснение таинственного;

2) с развитием интереса к национальному характеру и тем самым к народному творчеству и мифологии писатели стали вводить в свои произведения персонажей народной демонологии и строить их на мотиве встречи со сверхъестественным;

3) писатели-романтики противопоставили грубости и прозаичности действительности тонкость и поэтичность чувства; в их произведениях сверхъестественное представляло как собственно художественная реальность;

4) обращаясь к отображению внутреннего состояния персонажей, писатели большое внимание уделяли такому явлению, как интуиция, которое могло быть истолковано фантастически, если выводилось за рамки природных законов.

Эти и ряд других моментов проявляются в произведениях А.Бестужева-Марлинского, А.Пушкина, В.Одоевского, Н.Гоголя, Ант.Погорельского, О.Сомова и др. Отношение О.Сомова к фантастике в литературе было неоднозначным. З.В.Кириллюк обращает внимание на полемику писателя со сторонниками "необузданной фантазии" [6, с.47] в его статье "О сущности в литературе" В.Ю.Троицкий подробно останавливается на анализе травестирования фантастики, нужной в повести "Приказ с того света" как средство иронии над непосредственностью суеверного персонажа [22, с.143]. Но зрелые произведения О.Сомова являются как раз фантастическими. Объяснение этого феномена, скорее всего, может быть связано с формированием его концепции действительности и человека. И, конечно, распространение романтизма в русской прозе способствовало усилению в ней фантастики. Такие черты как рационализм и дидактичность, которые проявляются, как правило, в ранних произведениях О.Сомова, свидетельствуют о предромантической ориентации писателя. В них он ближе к тем предромантикам, которые развивали традиции сентиментализма: его героем является так называемый "частный человек".

Правда, сложилось представление с О.Сомове как о романтике, причем нередко ссылаются на статью "О романтической поэзии", опубликованную еще в 1823г. и послужившую как бы теоретической основой его будущей творческой практики. Но романтизм в этой статье понят больше с внешней, формальной стороны: как свобода от условностей, предписывавшихся поэтикой классицизма. Исходя из данной точки зрения, О.Сомов зачисляет в романтики Шекспира. Сущность же дела состоит в том, что писатель призывает обратиться к народнопоэтическому творчеству, так как в "свойствах и звуках языка, в духе народном, в воображении своих единоземцев" можно было найти новое [20, с 559] О.Сомов выступает за народность в искусстве, воспринимавшуюся как воссоздание национального своеобразия характеров, нравов, быта. Такой подход к задачам художественного творчества был свойствен прежде всего предромантикам, на что, в частности, обратила внимание А.В.Архипова (2) И если часть этих писателей считала или не считала себя романтиками, то это не значит, что всем им в самом деле свойственно романтическое мироощущение.

ОТБРАЖЕНИЕ МИФОЛОГИИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ О.М.СОМОВА

В качестве идеальных Сомов представлял такие отношения индивидуальности со средой, в которых бы проявлялась общность людей. Но это единство ни в коем случае не должно было означать растворения индивидуальности: каждый обладает неповторимостью и не может быть до конца разгадан окружающими. Такая независимость личности, по мнению автора, должна быть сохранена, и попытка проникнуть во внутреннюю жизнь, не считаясь с ее волей, заканчивается обычно трагически. Действительность, в которой подобное единство людей отсутствовало, воспринималась как опасная для человека. В то же время разлад с ней не приобрел у писателя абсолютного характера, заставлявшего бы его противопоставлять реальности мир идеала, как это свойственно романтикам. И, может быть, поэтому фантастика явилась для О.Сомова не частью мировосприятия, а художественным приемом, дававшим ему возможность выразить свое отношение к действительности, в которой происходило отчуждение личности.

Основу общности, которая могла объединить людей, писатель видел в национальных связях. С этим связан его интерес к народной среде, мышлению народа. В "Сказках о кладах" он так определил свою задачу: "...Собрать сколько можно более народных преданий и поверий, распространенных в Малороссии между простым народом, дабы оные не вовсе были потеряны для будущих археологов и поэтов" [19, с.203]. При этом формы воспроизведения фантастического могли быть различными: передавалось народное восприятие происходящего, являющееся фантастическим; повествователь мог противопоставлять свое понимание этой оценке, и тогда фантастика оказывалась мнимой, или же создавать видимость сближения с народной оценкой, и при этом возникало впечатление реальности фантастического или же сложности действительности, в которой не все было подвластно разуму и могло быть истолковано неоднозначно.

Рассмотрим два произведения Сомова, написанные в 1829 г.: "Русалку" и "Оборотень". Функции фантастического в них различны. Установка определяется уже обозначением жанра. Так, "Русалка" названа "малороссийским преданием". В предании же идет речь о событиях необычных, но воспринимающихся как реальные, действительно случившиеся. Что касается "Оборотня", то его жанр обозначен как "сказка", и это настраивает на восприятие произведения как повествования о небывалом.

В "Русалке" точка зрения повествователя не обособлена от точки зрения мифологически мыслящих персонажей, и это способствует слиянию реального и сверхъестественного. Изображая любовь украинской крестьянки Гориньки к польскому шляхтичу

Казимиру, писатель подчеркивает, что их разделяет не только социальное неравенство. Ведь события происходят в то время, когда "взаимная недоверчивость поляков и малороссиян, особливо в простом народе, была в самой сильной степени. Понятия религиозные подкрепляли сие неприязненное чувство..." [19, с.123]. Таким образом, возникает мотив, присущий ряду произведений О.Сомова: границ, которые разделяли людей, принадлежащих к разным культурам. Горпинке необходимо сделать выбор между двумя мирами. Желание быть с Казимиром, превратиться в "знатную пани" и тем самым обособиться от родной среды и возвыситься над ней оказывается сильнее любви к матери и привязанности к обычному образу жизни. Когда же Казимир исчезает, Горпинка не верит предостережениям матери и отправляется к колдуну. Тем самым она окончательно отказывается от праведного пути. Дорога в лес становится для нее приближением к гибели: она вступает в волшебное царство мертвых. Отсюда - мотив переправы, ведущей в загробный мир - лес [12, с.214], из которого героиня, превратившись в русалку, не захочет вернуться. "У О.Сомова уход за реку и фантастическое превращение Горпинки в русалку утверждает мысль о необратимости процесса отчуждения человека от родственной ему среды" [1, с.66]. Во время зеленой, русальной недели ее мать Фенна пытается вернуть дочь. По совету колдуна она очерчивает вокруг себя линию, в центре втыкает черную свечу и, увидев Горпинку, втягивает ее к себе в круг. Другие русалки не замечают их и пробегают мимо. Вероятно, О.Сомову были известны поверья о том, что русалку можно поймать и привести домой. Подобное поверье приводит А.Ф.Некрылова [7, с.482]. Круг здесь - наиболее распространенный символ. Он разграничивает внутреннее и внешнее пространство. Кроме того, круг - это символ солнца, в противоположность ему царство мертвых и духов - принадлежность ночи. Однако Горпинка, в свое время нарушившая запрет матери встречаться с иноверцем, теперь противопоставлена всем живым. И она не сожалеет об этом. Повторяется мотив разрыва героини со своей средой.

В основе такого сюжетного мотива - попытка матери вернуть дочь - лежит миф о Деметре и Персефоне, отразившийся в славянской мифологии. Так, в работе Б.А.Рыбакова "Язычество древней Руси" находим соотнесение Макоши, изображавшейся на полотенцах с вышитыми языческими композициями к празднику Купалы, с Деметрой [15, с.681-682]. Анализируя сюжеты чеканки, найденной в княжеском кургане Чернигова - Черной Могиле, исследователь устанавливает связь между повествованием об освобождении Анастасии, дочери Дмитрия, с античным мифом об Анде и

ОТБРАЖЕНИЕ МИФОЛОГИИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ О М СОМОВА

Персефоне и выдвигает предположение, что с ним "славяне могли познакомиться при участии греков-язычников ...еще в "трояновы века", когда вплотную соприкоснулись с грекоязычным населением черноморского "лукоморья" [15, с.771]. О возможности соотнесения некоторых календарных обрядов славян с названным мифом писал и А.Н.Афанасьев: "...Самые времена года казались уму древнего человека не отвлеченными понятиями, а действительными божествами, посещавшими в известную пору дольний мир и творящими в нем те перемены, какие замечаются в жизни в цветении и замирании природы" [3, с.443].

Создавая повесть, О.Сомов основывался и на народных поверьях о русалках. Считалось, что в них превращаются дети, умершие некрещеными [8, с.413], утопленницы и удавленницы [21, с.213]. Под воздействием церкви [18, с.222] русалки в народных представлениях стали восприниматься как существа, вредящие человеку. Эта черта поверий о русалках отражена и О.Сомовым. Погибает "отвергавший в душе своей приветные призывы Благочестия" [19, с.94] и пренебрегший предупреждением витязь Кончислав, герой "Купалова вечера" (1831), находят в лесу мертвым Казимира Чепку, оставившего Горпинку.

Несмотря на то, что позиция повествователя в объяснении таинственного не отделяется от позиции персонажей, читателю ясно, что мышление автора не является мифологическим. Он лишь приводит точку зрения народа, о чем заявляет в комментарии к повести ("простой народ в Малороссии думает..."). Этим, наверное, объясняется и то, как была воспринята критикой другая его повесть - "Сказки о кладях" (1829). Рецензия на нее появилась в "Вестнике Европы" за 1830 г. Рецензент высказал ироническое предположение о том, что под псевдонимом Порфирия Байского скрывался сам Вальтер Скотт, чрезвычайно популярный в то время в России. К тому же, в 1830 г. в "Московском телеграфе" была опубликована его статья "О демонологии и ведьмах". В.Скотт писал: "Конечно, говоря вообще, мы благоразумнее, холоднее наших предков, мы не верим в колдунов, не преследуем волшебства; но происходит ли это от ума, от убеждения? Награждает ли нас холодность наша за ту теплую, согревающую сердце веру в чудесное - источник поэзии, заблуждений, и, может быть, счастья, которого мы понимать не можем?" [16, с.71]. По мнению автора рецензии, Байский неверно передавал народные поверья, напрасно писал о семике, о котором "в Малороссии знают столько же, сколько и в Шотландии" [10, с.32]. Не являясь носителем мифологического мышления, Сомов, конечно же, по-своему подходил к образам, созданным народной фантазией, используя их в своих

художественных целях. В "Русалке" мифологическая фантастика давала возможность автору выразить собственное восприятие реальности, в которой люди, разделенные друг с другом стеной сословного и имущественного неравенства, религиозных различий, не имеют возможности преодолеть эти границы и погибают.

Функция фантастики в "Оборотне" иная. Его жанр определен как "народная сказка". Автор, иронически сожалея о том, что корсары, гяуры, вампиры уже использованы в качестве персонажей другими писателями, решает ввести в свое произведение еще не известного читателю оборотня. Таким образом, повествователь с самого начала оценивает происходящее не так, как персонажи, к которым относится с иронией: те из-за своего суеверия склонны во всем необычном видеть сверхъестественное.

"Оборотень" близок к сказке о простаке, который проходит через инициацию и к концу произведения, представ в новом качестве, женится. Герой сомовского рассказа тоже женится, но его переход в новое качество так и не состоялся. Однако мотив инициации все же присутствует: Алена Тимофеевна, которую односельчане просили освободить их от оборотня (а им считали колдуна Ермолая, приютившего у себя Артема), предлагает Артему проследить, куда по ночам уходит старик. Тот же, увидев, как Ермолай превращается в волка, решает последовать его примеру. Он сохраняет свою индивидуальность, но принимает внешний облик волка, напоминая скорее ряженого, чем оборотня.

В основе фантастической ситуации, воспроизведенной О.Сомовым, - миф о волке-природителе, т.е. о тотемном животном. Предок или вождь племени мог выступать в облике волка, так как обладал способностью превращаться в него или быть получеловеком-полу-волком. Существование подобных представлений подтверждается, в частности, в "Истории" Геродота. В четвертой книге "Мельпомена" он писал: "У невров обычаи скифские... Эти люди, по-видимому, колдуны. Скифы и живущие среди них эллины по крайней мере утверждают, что каждый невр ежегодно на несколько дней превращается в волка, а затем снова принимает человеческий облик. Меня эти рассказы, конечно, не могут убедить, тем не менее, так говорят и даже клятвенно утверждают это" [4, с.213]. Для невров, живших, как известно, в верховьях Днепра и Припяти, волк - тотемное животное. В дни культового праздника они носили волчьи шкуры и маски. Вяч.Иванов, предпринявший попытку реконструировать индоевропейские слова и тексты, отражающие культ волка [5], описывал традицию карнавального переодевания в волчьи шкуры, приуроченного у славян к осенне-зимнему сезону. Эта карнавальность

ОТБРАЖЕНИЕ МИФОЛОГИИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ О.М.СОМОВА

атмосферы передана О.Сомовым в "Оборотне", что проявляется в ироничности повествования, буффонадности самого превращения Артема в волка; он остается самим собой, и ему поначалу весело от того, что теперь можно пугать односельчан. Для него встреча со сверхъестественным, явившаяся следствием нарушения запрета, - всего лишь игра.

Ряд точек зрения на таинственное представлен в рассказе "Кикимора" (1830). Крестьяне объясняют загадочные явления, происходящие в доме Панкрата Пантелеева, проделками кикиморы. Управитель, к которому они обращаются за помощью, не верит в реальность подобного фантастического существа, но решает воспользоваться суеверием крестьян. Мифологическому объяснению противопоставлен и рационализм священника, утверждающего, что крестьянам все только мерещится и что кикимор на свете нет. Его позиция может быть объяснена тем, что церковь отвергала языческую мифологию. Итак, сталкиваются противоположные точки зрения на загадочное. Они отражены и в характерах повествователя и рассказчика. "Кикимора" имеет подзаголовок: "Рассказ крестьянина на большой дороге". Таким образом, здесь принципиальное значение приобретает позиция рассказчика. Как показывает Т.А.Чебанюк [24], благодаря рассказыванию как форме повествования усиливалась иллюзия достоверности невероятных событий, но поскольку передавалось субъективное восприятие, то мотивировалась и возможность заблуждения. Сам О.Сомов как предромантик близок к просветительскому представлению о том, что ум способен познать многообразную действительность, но вместе с тем он признавал, что не все поддается рационалистическому объяснению.

Наиболее драматично авторское представление о сложности мира представлено в повести "Киевские ведьмы" (1833). Восприятие фантастического вначале неоднозначно. О матери Катруси - старой Ланцюжихе говорят, как о ведьме. Но герой повести Федор Блискавка с иронией относится к попыткам опорочить его невесту. Однако после женитьбы убеждается в том, что многие его знакомые оказываются не теми, за кого их принимают, связаны с дьяволом. Знание тайны жены становится роковым для Федора. Как и герой "Оборотня" он тоже оказывается во власти сверхъестественного. Однако, в отличие от Артема, который лишь забавлялся, превратившись в волка, Федор переживает неожиданное для себя состояние: он как будто пьянеет и приходит в исступление, в глазах его попеременно мелькают яркие искры и какие-то уродливые призраки. Не владея собой от бешенства, он подчиняется дьявольскому и летит на шабаш. Так возникает мотив отчуждения человека из-за встречи со сверхъестественным. Основным

же является мотив опасности проникновения в тайну близкого человека. Как в "Русалке" и "Оборотне", нарушение запрета открывает дверь для беды. Двойственность Катруси ярче всего передается в сцене шабаша. Находясь во власти злой силы, ведьма бросается искать человека, чтобы расправиться с ним, а затем, узнав Федора, спасает его. Но она себе не принадлежит и не может всегда поступать так, как ей хотелось бы. По вине Федора ей так и не удается преодолеть ни внутренний разлад, ни ту стену, что отделила ее от других людей. По словам Катруси, злая доля развела ее с мужем и в этом мире, и в том, в котором оба окажутся после смерти: ведь она умирает так и не искупив греха.

Сюжетный мотив нарушения запрета объединяет эту повесть О.Сомова с фольклорной сказкой "Царевна-лягушка". В сборнике А.Н.Афанасьева приведен ряд вариантов этой сказки; одному из них (N 269) близка украинская народная сказка "Царівна-жаба" [23, с.78-86]). В вариантах N 266 и 268 нарушение запрета связано с тем, что герой поторопился: сжег кожу преждевременно, до истечения срока. В связи с этим он должен навсегда лишиться жены или же отправиться на ее поиски. Очевидно, речь идет о нарушении какого-то брачного ритуала. Возможно, это связано с переходом от группового к парному браку [9, с.408-417]. В повести О.Сомова данный мотив завершается гибелью героев, что обусловлено, в первую очередь, драматизмом писательского мироощущения.

В том, что герои погибают, также отразились мифологические представления, ритуалы. По мнению Б.А.Рыбакова, обряд сжигания куклы Морены в ночь на Ивана Купала связан с ритуалом изгнания ведьм в Вальпургиеву ночь. В индоевропейские времена в эту ночь приносились в жертву люди, часто - супружеская пара. Исследователь писал о том, что нередко в зольниках находили человеческие скелеты.

Как и в ряде других произведений О.Сомова, в "Киевских ведьмах" фантастика является художественным приемом, помогающим писателю передать свои представления о тех отношениях, которые складывались между людьми в современном ему мире. Ведь фантастика как одна из форм познания является прежде всего способом оценки человека, образа жизни, общества [17, с.67-80]. Ее использование позволяло О.Сомову раскрыть мысль о разобщенности людей, непреодолимости тех преград, которые их разделяют, роковых последствиях проникновения в чужую тайну, об отчуждении личности и невозможности преодолеть внутренний разлад. Важным при этом оказывается сюжетный мотив, сближающий произведения О.Сомова с фольклорной сказкой, - нарушение запрета. В тех произведениях, где повествователь прогнанооставляет свою

ОТБРАЖЕНИЕ МИФОЛОГИИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ О М СОМОВА

точку зрения взглядам суеверных персонажей ("Оборотень", "Кикимора"), и фантастика, таким образом, оказывается мнимой или же становится возможным двойственное истолкование загадочного, беда, вызванная нарушением запрета, может быть преодолена. В "Русалке" и "Киевских ведьмах", где повествователь создает видимость присоединения к точке зрения мифологически мыслящих персонажей, и фантастика явная, ситуация оказывается настолько неблагоприятной для героев, что завершается их гибелью. Подобная концовка произведений свидетельствует об авторском неприятии действительности, в которой происходит отчуждение человека.

1. Александров А.В. О повествователе в романтическом рассказе ("Малороссийские предания" О.М.Сомова и Е.П.Гребенки) //Вопр. литературы народов СССР: Респ. межвед. науч. сб. К.; Одесса, 1983. Вып. 9.
2. Архипова А.В. О русском предромантизме //Рус. литература. 1978: N 1.
3. Афанасьев А.Н. Народные праздники //Афанасьев А.Н. Древо жизни: Избр. статьи. М., 1983.
4. Геродот. История: В 9 кн. Л., 1972.
5. Иванов В.В. Реконструкция индоевропейских слов и текстов, отражающих культ волка //Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. 1975. Т.34. N 5.
6. Кирилук З.В. Фольклор в творчестве Ореста Сомова //Науч. докл. высшей школы. Фил. науки. 1965. N 4.
7. Круглый год: Русский земледельческий календарь. М., 1992.
8. Милорадович В.П. Заметки о малорусской демонологии //Українці: народні вірування, повір'я, демонологія. К., 1991.
9. Народные русские сказки А.Н.Афанасьева: В 3 т. Л., 1936-1940. Т.2.
10. Невский альманах на 1830 год (Изд. Аладьиной Е. // Вестник Европы) Раздел: Русские книги. 1830. N 5.
11. Поддубная Р.Н. Идеино-художественные функции фантастики и развитие творческих принципов реализма в русской литературе XIX века: Автореф. дисс..., д-ра филол. наук. К., 1990.
12. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986.
13. Пропп В.Я. Морфология сказки. Л., 1928.
14. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1981.
15. Рыбаков Б.А. Язычество древней Руси М., 1987.
16. Скотт В. О демонологии и ведьмах //Московский телеграф. 1830. Т.35. N 19.

17. Слюсар Л.О. Фантастична повість в українській літературі 30-х років XIX ст //Розвиток жанрів в українській літературі XIX-початку XX ст. К., 1986
18. Соколова В.К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. М., 1979.
19. Сомов О.М. Купалов вечер: Изб. произведения. К., 1991.
20. Сомов О.М. О романтической поэзии //Русские эстетические трактаты первой трети XIX века. М., 1974. Т.2.
21. Токарев С.А. Религия в истории народов мира. М., 1986.
22. Троицкий В.Ю. Художественные открытия русской романтической прозы 20-30-х годов XIX в. М., 1985.
23. Українські народні казки. Львів, 1965.
24. Чебанюк Т.А. Типы повествования в фантастической повести 20-40-х годов XIX века //Проблемы жанров в русской литературе: Сб. науч. трудов. М., 1980.

Стаття надійшла до редколегії 23.11.92

SUMMARY

Somov used the fantastic as an artistic device to express the mythological thinking of the common people. The author contrasts his view of the fantastic with the value attributed to it by the people - it is sometimes shown to be illusory, but at times it is given the impression of reality.

с В.Б.Мусий, 1997